

Филиппов А.Ф.*

Willfried Geßner und Rüdiger Kramme (Hrsg.), Aspekte der Geldkultur/ Neue Beiträge zu Georg Simmels "Philosophie des Geldes". Magdeburg: Edition Humboldt, Scriptorum Verlag, 2002. - 152 S.

Аспекты денежной культуры. Новые работы по «Философии денег» Георга Зиммеля / Под ред. Вильфрида Геснера и Рюдигера Крамме. Магдебург: Эдицъон Гумбольдт, 2002.

«Философия денег», вышедшая первым изданием в 1900 г., – одна из немногих книг Зиммеля, которая, при довольно значительном объеме, от начала до конца представляет собой формальное и содержательное единство, со сквозной теоретической интригой и последовательно проведенной и развитой через все сочинение аргументацией. Возможно, именно поэтому ее судьба как-то не особенно задалась, хотя ее часто переиздают и много на нее ссылаются. Внимательнее присмотревшись к этим ссылкам, мы обнаружим, что ее изучение не только начинается, как об этом пишет в своей статье один из составителей рецензируемого сборника В. Геснер (S. 13), со знаменитой шестой главы («Деньги и стиль жизни»), но и часто и ограничивается ею. Конечно, влияние «Философии денег» на таких авторов, как М. Вебер, Г. Лукач, Э. Блох, В. Беньямин, Т. Адорно и даже М. Хайдеггер, неоспоримо. Но вряд ли можно утверждать, что она хорошо читалась *в свое* и тем более – в последнее время широкими кругами философов и других ученых. Привычные, начиная с конца 50-х годов прошлого века, ламентации о несправедливо скором забвении Зиммеля, не в последнюю очередь относятся именно к «Философии денег». Ситуация отчасти выправляется в последние десятилетия, но специальных публикаций об этом труде удивительно мало, так что почти все они привлекают к себе внимание. Заслуживает его и рецензируемый сборник, подготовленный к столетию первого издания «Философии денег» (предисловие редакторов датировано декабрём 2000 г.), но вышедший несколько позже, уже вслед юбилею. Сборник составлен, отредактирован и частично переведен с английского (среди авторов есть как немецкие, так и американские исследователи) Рюдигером Крамме, одним из участников издания полного собрания сочинений Зиммеля, крупным специалистом по истории немецкой философии и социологии первой трети XX в., и Вилфридом Геснером, много работающим в последние годы над философией и социологией культуры Зиммеля и Кассирера.

Авторы сборника стремятся показать современную актуальность книги Зиммеля, но это невозможно вне исторического контекста, а значит, и безотносительно к истории ее рецепции. Многие привычные утверждения и оценки кажутся авторам, мягко говоря, не совсем правильными. Вырисовывается, в общем, грустная картина: «Философию денег» сначала не поняли, потом забыли, потом снова поняли не так, как надо. В статье «Деньги как парадигма современной философии культуры» В. Геснер, как мы уже упомянули, утверждает, что внимание читателей часто *смещено* к главе шестой, а это значит, что труд Зиммеля воспринимают как работу по *критике культуры*, тогда как она представляет собой

* Филиппов Александр Фридрихович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра фундаментальной социологии.

© Центр фундаментальной социологии, 2002г.

© Филиппов А.Ф., 2002г.

развернутую *философию культуры*. Дело, конечно, не в том, что Зиммель «на самом деле» не критикует современную культуру (об этом ниже). Дело в том, что он этим не ограничивается и ставит вопрос более принципиально. Это вопрос о «возможности культуры» как таковой. Здесь автор делает несколько неожиданный ход. Доказывая, что культура имеет по сути своей символическую и функциональную природу, он ссылается на «Философию символических форм» Э. Кассирера. Это вполне оправданно в контексте нынешнего вновь пробудившегося интереса к Кассиреру, однако производит все-таки несколько странное впечатление: «Философия символических форм» вышла в свет через двадцать лет после «Философии денег». К тому же, как указывает автор, Кассирер среди исследуемых им форм не назвал деньги, к которым как раз обратился Зиммель, который, в свою очередь... Что? Был менее успешен со своей концепцией культуры, чем Кассирер? Не дал столь отчетливого описания культуры как плюриверсума символических форм? Как бы там ни было, риторически и композиционно этот шаг вряд ли удачен. Однако внятное и точное изложение того, как из индивидуальных взаимодействий рождается надындивидуальное образование, как оно противостоит человеку с его индивидуальной смысловой жизнью, и того, как деньги, замкнутая на самое себя символическая система, являются здесь архетипом объективированной и противостоящей человеку культуры – безусловно, удалось автору. Удалось ему и показать существенную слабость аргументации Зиммеля. Она коренится как раз в том, что принято считать одним из самых значительных результатов «Философии денег», а именно: в критике современной культуры. Дело в том, что Зиммель, говорит Геснер, при описании индивидуальной культуры взял за образец идеал образования, каким его видел XVIII и начинающийся XIX век. С точки зрения его функционалистской концепции культуры, развитие культурных форм могло бы требовать от индивида умения обходиться с ними, освоения их множественности и сложности, но отнюдь не должно было трактоваться как *трагедия*. Трагедия культуры, по Зиммелю, возникает из-за того, что это не просто мир значений, но нечто, *пропущенное через душу*, нечто взывающее к нашему внутреннему миру, *культивирующее и окультуривающее* нас. Но именно такое воззрение Геснер и считает исторически ограниченным и в теоретически обобщенном виде неправомерным. Здесь можно было бы указать на то, что это, в общем, характерное для Зиммеля противоречие. Вряд ли стоит инкриминировать ему простую непоследовательность. Ведь, например, позднейшие (по сравнению с «Философией денег») работы об индивидуализме ясно показывают: Зиммель видит проблему. Но именно как философ не хочет сдаваться социологии, переводя проблему индивидуализма и индивидуальности в чисто количественный план, как это он с легкой душой делал на заре своего творчества в «Социальной дифференциации». Это напряжение, быть может, уже чуждо в ту эпоху, когда, как утверждает автор следующей статьи американская исследовательница Элизабет Гудстин (Goodstein), «тот факт, что "культура" уже не означает элементов и практики классического "образования", говорит сам за себя» (S. 37).

Большая статья Гудстин называется «Феноменология культуры Георга Зиммеля и смена парадигм в науках о духе». Подобно Геснеру, автор также исходит из того, что весьма существенные аспекты творчества Зиммеля до сих пор понимаются неправильно, в частности, потому, что его, с одной стороны «загнали в социологию», а с другой, – объявили его метод «сугубо эстетической установкой» (S. 30). Со своей стороны, она связывает пробуждение интереса к Зиммелю с поворотом гуманитарного дискурса от «великих теоретических дебатов» к «конкретным темам», к попыткам разработать междисциплинарные модели, «соединяющие символическое и эмпирическое измерения культурных практик» (S. 33). Гудстин усматривает в методе Зиммеля риторическую фигуру *синекдохи*: он обращается к особенному, но в этом особенном открывается общее. Его сочинения – это своеобразная *феноменология культуры*. «Зиммелевская феноменология культуры – это модернистская попытка уловить фасетчатую, мультикаузальную сущность действительности. Чтобы анализировать мир, где господствует взаимодействие, он строит

синекдоху на синекдохе» (S. 55). Так, по Зиммелю, «сущность нового времени – точные вычисления». Эта сущность выражает интеллектуализм денежной культуры, акцентирование точности и аккуратности, склонность предпочитать количественные суждения качественным. Но Зиммель отказывается от широко распространенного в его время редукционизма. Современный рационализм вытесняет импульсы к спонтанной эмоциональной жизни, и создает новые формы индивидуализма. Однако парадоксальным образом именно это и переживается современным субъектом как состояние отчуждения. Это понимание перешло от Зиммеля к Лукачу, а от него – к Франкфуртской школе. Зиммель, таким образом, существенно повлиял на всю современную не только философию культуры, но и науку о культуре.

В статье «Метафизика денег. "Философия денег" как философия» Гайя Оукса (Oakes), одного из самых известных американских исследователей немецкой философии и социологии начала XX в., мы находим то же самое стремление скорректировать привычный взгляд на Зиммеля. Есть известное рассуждение Фридриха Тенбрука (Tenbruck), относящееся к 1958 г., о том, что подлинная социология Зиммеля находится не в большой «Социологии», а в «Философии денег». Это рассуждение знакомо и нашему читателю по книге Л. Г. Ионина «Георг Зиммель – социолог». Оукс решительно спорит с таким подходом. Он полагает, что к 1900 г. Зиммель уже вполне определился с тем, что именно он называет социологией, а что – философией или психологией. Но и другое рассуждение, авторство которого менее определено, Оукс считает необходимым подвергнуть критике. Из-за того влияния, какое «Философия денег» оказала на теоретиков современного общества и современной культуры, ее принято считать классическим трудом в области постижения европейского модерна. Оукс доказывает, что и это неправильно. Ни история денег, ни современное состояние западной денежной культуры не были главной целью зиммелевского труда. В «Философии денег» Зиммель отчетливо заявляет, что необходимо различать эмпирические науки, которые не заботятся об исследовании своих собственных предпосылок; теорию познания, которая как раз и выясняет методологические основы и условия конституирования предмета эмпирической науки, и, наконец, метафизику как учение о картине мира или воззрении на мир («мировоззрении»), как обычно, не задумываясь, передаем мы простой русской калькой непере译имое и не переводящееся на другие языки, подобно «Verstehen» и «Gemeinschaft», немецкое «Weltanschauung»). Соответственно, эмпирической науке нет места в «Философии денег», она членится на две части: аналитическую, в которой трактуются методологические, психологические, логические, аксиологические, социальные вопросы имманентной важности и практической значимости денег, и синтетическую, в которой трактуется вопрос об импликациях денежного хозяйства для современной культуры. Правда, сам Зиммель, оговаривается Оукс в большом примечании (S. 64, Fn 4) не строго соблюдает различие аналитического и синтетического в «Философии денег», а в ряде случаев он и здесь (подобно тому, как это было в его более ранних работах) приближается к точке зрения позитивизма, согласно которой философия иногда вынуждена договаривать за науку, еще не сказавшую своего слова в ряде важных вопросов. Рано или поздно все философские высказывания такого рода будут замещены точными научными суждениями. Это примечание Оукса, как мы сейчас увидим, очень важно для правильного понимания его статьи.

Зафиксировав, таким образом, сугубо философский характер «Философии денег», Оукс переходит к вопросу о том, что такое для Зиммеля философия. Он обращается к его большой работе «О сущности философии», собственно, первой главе книги «Основные проблемы философии» (1910 г.). Здесь Зиммель объявляет, что философия – это личная интеллектуальная установка (Haltung) по отношению к миру; она изучает не какой-то определенный предмет, но связи между вещами, чтобы прийти к полной картине их целокупности (тотальности), т.е. к картине мира; она, в отличие от наук, не может быть ни подтверждена фактами, ни опровергнута ими, достоинство философии определяется другим: ее ясностью, глубиной и аутентичностью выражения духовной установки философа;

поэтому, в отличие от наук, конфликты между философиями не могут быть решены на почве обращения к фактам, речь может идти лишь о решении в пользу того или иного воззрения на мир.

Эту философскую позицию Зиммеля Оукс подвергает критике с точки зрения лингвистической философии. В духе «Философских исследований» Витгенштейна, он задает обычные в таких случаях вопросы о том, может ли быть выражена духовная установка как-то иначе, нежели в языке, и если она выражается в языке и это и есть философия, то, как можно измерить аутентичность выражения того, что существует, только будучи выражено. «Без критериев различения мысли и языка предпосылка об установках, которые независимы от языка является непоследовательной. А на основе этой предпосылки невозможно установить отношение между «Философией денег» и субъективностью Зиммеля, а значит, невозможно также установить и то, в каком смысле эта книга является его философией денег» (S. 72), т.е. насколько аутентично она выражает его субъективную установку, то единственно ценное, что есть, по Зиммелю, в любой философии. Следовательно, нельзя установить и то, насколько более ценна «Философия денег», чем другие работы, в которых идет речь о современном денежном хозяйстве и культуре, будь то, скажем, работы Маркса, Бальзака или Веблена. А раз нет критерия истинности как соответствия действительности и философия, стало быть, не истинна, то суждения, содержащиеся в «Философии денег», либо ложны, либо не истинны и не ложны. Если ложны, то «Философия денег» – ложное представление субъективности Зиммеля. Если они не истинны и не ложны, тогда это – «эпистемически пустое изображение его установки» (S. 74).

Легко увидеть, однако, что жесткая критика Оукса (кстати сказать, несколько лет назад он так же, опираясь на традиции аналитического философствования, атаковал философию Риккерта и, в частности, его знаменитое различие между отнесением к ценности и оценкой¹) ущербна, по крайней мере, в одном отношении. У Оукса получается, что «Философия денег» – это только философия, и с точки зрения метафилософии Зиммеля, проясненной при помощи Витгенштейна, ее философское значение, а значит, ее значение вообще ничтожно. Но насколько допустимо опрокидывать на труд, задуманный еще в 1898 г., метафилософскую методологию, окончательно сформулированную в 1910 г.? Если мы доказали (*если* мы доказали), что Зиммель, с современной, далеко не общепризнанной, точки зрения слаб в эпистемологии, то при чем тут «Философия денег»? Точнее говоря, *именно потому*, что Зиммель слаб в эпистемологии, он и не смог выдержать до конца ту позицию (если только допустить, что к 1900 г. она была именно такой), которая оказалась столь мало продуктивной для его труда. Если мы признаем, что он не выдерживает различия между аналитической и синтетической частями, то не значит ли это, что и в синтетической (мировоззренческой) части присутствует рефлексия о возможности предмета наук? И, значит, если не для позитивистски понимаемой социологии, то, уж точно, для метасоциологии «Философия денег» остается важным источником. А если допустить, что его декларации не совпадают с реализацией намерения, то почему бы не предположить, что позитивные результаты также не столь редки в «Философии денег»? Или что Зиммель, быть может, недостаточно точно отрефлектировал жанр и характер собственной книги – что не такая уж редкость в истории мысли. Конечно, все это не искупает главного порока Зиммеля в интерпретации Оукса – отсутствия подлинной философской школы, каковой может быть только аналитическая философия. Извинить это случайными обстоятельствами жизни (Зиммель умер до возникновения оной) невозможно. Но возможно другое: в «Философских исследованиях» Витгенштейна мы находим известное рассуждение о языковых играх. Если принять во внимание, что Зиммель участвовал в языковой игре своего круга, эпохи,

¹ См.: Oakes G. Rickerts Wert/Wertung-Dichotomie und die Grenzen von Weber Wertbeziehungslehre // Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik / Hrsgg. V. Wagner G., Zipprrian H. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994. S. 146–166.

культуры, то не окажется ли тогда, что выражение «философия есть ясное и аутентичное представление духовной установки философа» столь же хорошо понятно участнику и столь же загадочно для постороннего, не знающего практических правил игры, как непонятно для человека, никогда не видевшего гор, выражение «это – Монблан». А поскольку Оукса, одного из лучших знатоков немецкой мысли, участника издания полного собрания сочинений Зиммеля, нельзя заподозрить в неведении относительно сути и характера этого культурного круга игр, то его решительная критика Зиммеля (как и Риккерта) еще надолго, надо думать, останется неразрешимой загадкой истории философии.

Любопытную статью представил в рецензируемом сборнике Эрвин Шуллерус (Schullerus). Она основана на архивных материалах, что в отношении Зиммеля, основной архив которого не сохранился, вообще большая редкость и (прямо по Зиммелю) большая ценность. Статья посвящена длившейся около двадцати лет переписке между Зиммелем и Густавом Шмоллером. Известно, в общем, позитивное, благожелательное отношение Шмоллера к Зиммелю. Однако в статье вскрываются многие любопытные аспекты этого отношения. В частности, интересно и немного грустно читать, как Шмоллер, действительно высоко ценивший Зиммеля и настроенный отнюдь не антисемитски, постоянно усматривал в его трудах признаки «специфически еврейского остроумия». Немецкое слово «geistreich» (буквально: «духовно богатый») трудно точно передать по-русски. Речь идет о блестящем, искрящемся типе мышления и изложения. Но здесь же коренится и опасность. И благожелательный Шмоллер и, увы, многие недоброжелатели Зиммеля видели в его работах «разрушительное», «разлагающее», «негативное» начало, что стояло в прямой связи с этим самым «остроумием». Многократно описанная история о том, как было провалено приглашение Зиммеля на должность профессора в Гейдельберг, какие силы немецкого чиновничества этому противодействовали, как *тактически* неправильно повели себя знаменитые профессора и как, в конце концов, тоже с немалым трудом удалось назначение в Страсбург, приобретает в связи с перепиской Шмоллера и Зиммеля, новые оттенки. Тем не менее, эта в высшей степени любопытная и добротная статья смотрится немного странно на фоне теоретических работ.

Напротив, статья Хайо Ризе (Riese) «Философ культуры как экономист» представляет большой теоретический интерес. Как известно, Зиммель в самом начале «Философии денег» заявляет, что в его книге нет ни одной строчки, написанной в духе «национальной экономии». Стоит ли верить ему на слово? Разобраться в этом с точки зрения экономиста и пытается автор статьи². Основная идея Ризе состоит в том, что в «Философии денег» аналитическая и синтетическая части представляют два принципиально различных воззрения на деньги и денежное хозяйство. Если в аналитической части Зиммель исходит из ситуации обмена и роли денег как средства обмена, то в синтетической он исследует их как средство заключения контрактов, возложения обязательств и распоряжения собственностью. Как полагает Ризе, тем самым Зиммель порывает с длительной традицией либеральной мысли, с которой связан и ее решительный критик Карл Маркс. Привязывая индивидуализацию и характеристики общества к денежному контракту, Зиммель оказывается более современным мыслителем, чем, например, Макс Вебер, так и не сказавший, по мнению автора, ничего существенного о «денежном режиме» современного общества. Зиммель показывает, что индивидуальная свобода стала возможна в современном обществе только благодаря тому, что натуральные повинности были заменены денежными. Тем самым он уходит от парадигмы обмена, в которой пребывает не только вся либеральная, но и вся антилиберальная социалистическая мысль. Зиммель – не критик и не апологет буржуазного общества. Он выше критики и апологетики. Он исследует возможности функционирования

² Подобно тому, как несколько лет назад это сделал Пашен фон Флотов, подход которого Ризе отмечает, однако подвергает критике. См.: Flotov P. v. Geld, Wirtschaft und Gesellschaft. Georg Simmel Philosophie des Geldes. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1995. В этом же коротком ряду и критикуемая Ризе статья: Aglietta M. Die Ambivalenz des Geldes // Georg Simmel Philosophie des Geldes / Hrsgg. V. Kintzele J., Schneider P. Frankfurt a. M.: Hain, 1993

денежного хозяйства, реальную силу денег. И тем самым открывает возможности нового осмысления самых современных тенденций. Пожалуй, эти утверждения заслуживали более подробного развития. Можно только надеяться, что эта статья станет началом оживленной дискуссии по действительно острому и актуальному вопросу.

К сожалению, недостаток места не позволяет нам сколько-нибудь подробно остановиться на последних двух статьях сборника. Герхард Гамм (Gamm) написал статью «Неопределенность денег. Диагноз времени у Георга Зиммеля в духе гегелевской диалектики». Хайко Рёль (Roehl) и Буркхард Йериш (Järisch) – статью «Ego Stoxx. Будущее экономизированного индивида». Первая представляет значительный интерес тем, что посвящена еще недостаточно изученной теме: месту Зиммеля в немецкой традиции классического философствования. Мы читаем его лекции о Канте, статьи о Ницше, Шопенгауэре и Гете, но редко задумываемся над тем, что Зиммель совершает значительную часть своей философской эволюции в тот период, который некогда В. Виндельбанд точно и провидчески определил как время повторения пути немецкой классики. И за неокантианством действительно последовал и новый интерес к Фихте, и возрождение гегельянства. Рассмотреть «Философию денег» именно в таком контексте было, конечно, очень важно. Вторая статья явно носит следы современного увлечения анализом социальных сетей. Зиммель здесь – один из наиболее любопытных авторов, ибо его понятие взаимодействия прекрасно увязывается с сетевым подходом, а появление таких видов сетей, как Интернет, только добавляет актуальности. И, конечно, важно иметь в виду, что такие сети можно рассматривать как своеобразные рынки, где внутренние качества индивида менее важны, чем способность «себя продать» (Ego Stoxx – это почти омоним Euro Stoxx, одного из индексов фондового рынка, только здесь в цене поднимаются и падают «акции индивида»).

Книга получилась интересная и спорная. В особенности подкупает то, что большинство имен авторов, в общем, не на слуху у зарубежного читателя. Это значит, что нам представлены новые, оригинальные точки зрения, с которыми многим вряд ли удалось познакомиться прежде, по другим их публикациям. Таким образом, круг релевантных авторов и расширяется и, как не преминул бы заметить Зиммель, дифференцируется. На вопрос, как в таком случае возможно сохранение социальной группы, он, скорей всего, ответил бы: верностью. Верностью автору, кругу его тем, важным для него – и, как выясняется, для нас – проблемам.

Правда, такой ответ не совсем в духе «Философии денег».